

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО КОРРУПЦИОННЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-1-57-64>

В статье исследуется правовая база реализации одного из направлений противодействия коррупции – минимизации и (или) ликвидации ее последствий. Актуальность изучения этой темы в правовой доктрине подтверждается наличием целого пласта неурегулированных правоотношений в исследуемой области и наличием тому примеров из правоприменительной практики, что порождает научную дискуссию на протяжении всего времени действия Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции». Предметом настоящего исследования являются правоотношения, возникающие вследствие выявления признаков коррупционного поведения, требующего социальной сатисфакции. В частности, в статье автором исследована перспектива введения в уголовное законодательство нормы об ответственности за незаконное обогащение, отвергаемая с использованием формального аргумента – нарушения ею конституционно закрепленной презумпции невиновности. В поле зрения автора статьи входит анализ норм гражданского законодательства Российской Федерации в части, касающейся обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы. Выявлено, что данный способ противодействия незаконному обогащению в результате предполагаемого коррупционного поведения, активно используемый административной и судебной практикой в последние годы, не является безупречным с общегуманитарных позиций, поскольку не связан с выявлением в поведении лица признаков конкретного деликта. Автором формулируются предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере, основанные на признании в качестве единственно возможного основания юридической ответственности за коррупционное поведение состава конкретного правонарушения. Исследование основано на диалектической методологии познания правовой материи с использованием формально-юридического, сравнительно-правового, историко-логического методов в различном их сочетании. В работе сделан акцент на приоритете принципа законности в решении проблем, связанных с противодействием коррупции в целом, и выработке стратегии и тактики реализации такого ее направления, как минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционного поведения.

**КОНДРАТЬЕВ
Юрий Анатольевич**

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)
kondr1953@gmail.com

**Коррупция;
коррупционные деликты;
минимизация (ликвидация)
последствий коррупции;
незаконное обогащение;
изъятие имущества,
в отношении которого
не представлены доказательства
его законного приобретения**

Yuri A. KONDRATIEV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Criminal Law and Criminology,
All-Russian State University of Justice
(Moscow)

kondr1953@gmail.com

**PROBLEMS OF IMPROVING THE LEGISLATION
ON COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED
BY CORRUPTION OFFENSES**

The article examines the legal framework for the implementation of one of the areas of anti-corruption – minimization and (or) elimination of its consequences. The relevance of studying this topic in the legal doctrine is confirmed by the presence of a whole layer of unresolved legal relations in the studied area and the

**Corruption;
corruption torts;
minimization (elimination) of
consequences of corruption;
illegal enrichment;
seizure of property in respect
of which there is no evidence
of its lawful acquisition**

presence of examples from law enforcement practice that give rise to a scientific discussion throughout the entire duration of the Federal Law of 25 December 2008 No. 273 "On Combating Corruption". The subject of this study is the legal relationship arising from the identification of signs of corrupt behavior that requires social satisfaction. In particular, in the article, the author investigated the prospect of introducing into the criminal law a rule on liability for illegal enrichment, which is rejected using a formal argument – her violation of the constitutionally fixed presumption of innocence. The author's field of vision includes analysis of the norms of the civil legislation of the Russian Federation with regard to the circulation of property to the state's income in respect of which there is no evidence of its acquisition of legal income. It was revealed that this method of counteracting illegal enrichment, as a result, of alleged corruption behavior, which has been actively used by administrative and judicial practice in recent years, is not perfect from a humanitarian point of view, since it is not associated with revealing signs of a specific tort in a person's behavior. The author formulates proposals for improving the legislation in this area, based on the recognition as the only possible basis of legal responsibility for the corrupt behavior of a specific offense. The study is based on the dialectical methodology of cognition of legal matter using formal legal, comparative legal, historical and logical methods in their various combinations. The work focuses on the priority of the principle of legality in solving problems related to combating corruption in general and developing strategies and tactics for implementing its direction such as minimizing and (or) eliminating the consequences of corrupt behavior.

Необходимость возмещения ущерба, причиненного коррупционными правонарушениями, вытекающая из содержания стратегии противодействия коррупции, не вызывает сомнений как с общегражданских, так и с правовых позиций. Не случайно руководители государства и правоприменительных органов неоднократно подчеркивали значимость именно этого вектора противодействия коррупции [1]. Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утв. указом Президента РФ от 1 апреля 2018 г. № 147 [2], был направлен в том числе на решение таких основных задач, как совершенствование механизмов контроля за расходами и обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Президент России поручил Верховному Суду РФ подготовить и утвердить обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров об обращении в доход государства имущества, в отношении которого отсутствуют доказательства приобретения на законные доходы, что в принципе было реализовано.

Согласно информации, предоставленной судами, со дня вступления в силу Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [3], т.е. с 1 января 2013 г. по 1 января 2017 г., судами было окончено производство по 19 делам [4].

Впервые данные о масштабах деятельности в упомянутом направлении были опубликованы в материалах Совета по противодействию коррупции 26 января 2016 г., из которых стало известно, что по делам, связанным с истребованием имущества, законность приобретения которого сомнительна, «судами рассматриваются иски на сумму 122 миллиона рублей» [1]. В настоящее время эта деятельность значительно интенсифицирована [5]. Об этом свидетельствуют статистические данные и материалы судебной практики, в частности решения по гражданским делам об обращении в доход государства имущества бывшего губернатора Сахалинской области А. В. Хорошавина и др. [6], бывшего заместителя начальника Управления «Т» ГУЭБ и ПК МВД Дмитрия Захарченко [7], бывшего сотрудника регионального управления МВД Ильнура Юсупова [8] и др.

Вместе с тем на законодательном, правоприменительном и научном уровнях продолжается дискуссия относительно средств, с помощью которых государству следует решать вопрос о возмещении вреда, причиненного коррупционными деяниями. Известны серьезные аргументы против реализации идеи уголовной ответственности за незаконное обогащение, отраженной в ст. 20 Конвенции ООН против коррупции [9], главным из которых является несоответствие этой идеи законодательству Российской Федерации. В нем, как известно, сохранена презумпция невиновности при расследовании и рассмотрении в судах

уголовных дел [10]. Присоединяясь к сторонникам осторожного подхода к введению уголовной ответственности за незаконное обогащение, отметим, что ее установление все же имеет свою правовую логику, в том числе и в плане определения дальнейшей судьбы имущества, в отношении которого отсутствуют доказательства законного приобретения [11; 12]. Понятно, что при наличии специального состава преступления применять конфискационные меры можно будет на основании приговора суда, в соответствии с которым лицо будет признано виновным в совершении преступления коррупционной направленности с соблюдением всех принципов уголовно-процессуального законодательства. Однако, как отмечалось, такой подход не будет соответствовать не только устоявшейся правовой традиции, основанной на презумпции невиновности, но и важнейшим международно-правовым актам в области прав человека. Неслучайно в некоторых странах, реализовавших в национальном законодательстве идею, сформулированную в ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, и установивших уголовную ответственность за незаконное обогащение, существует достаточно сильное противодействие такому законодательному решению с использованием именно вышеприведенных аргументов. Так, Конституционный суд Украины 26 февраля 2019 г. признал ст. 382-2 Уголовного кодекса Украины (незаконное обогащение) не соответствующей Основному закону страны и отменил ее. В решении говорится, что она не согласуется с конституционным принципом презумпции невиновности и с конституционным предписанием о недопустимости привлечения лица к ответственности за отказ давать показания или объяснения в отношении себя, членов семьи или близких родственников (ст. 62 и 63 Конституции Украины). Однако 31 октября того же года Верховная Рада Украины во время заседания вновь дополнила УК Украины ст. 368-5 «Незаконное обогащение», устанавливающей, что приобретение лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, активов, стоимость которых превышает доходы более 15 тыс. необлагаемых минимумов доходов граждан (225 тыс. гривен), наказывается лишением свободы сроком от пяти до 10 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет [13].

Сомнения в юридической безупречности вызывает и используемый ныне способ решения проблемы возмещения ущерба от коррупционных деяний, основанный на применении ст. 235 ГК РФ [14] (далее – ГК), регламентирующей основания прекращения права собственности. Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 231-ФЗ [15] п. 2 ст. 235 ГК был дополнен подп. 8, которым в качестве основания

принудительного прекращения права собственности (изъятия у собственника его имущества) предусматривается обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы.

Сомнения основаны на не исключенной возможности неоправданно широкой трактовки основания отторжения имущества и присутствующих в таких случаях весьма широких дискреционных полномочиях суда. По мнению законодателя, правовые возможности, основанные на этой норме, являются решением проблемы возмещения вреда, причиненного коррупционным деянием, поскольку право собственности на соответствующее имущество прекращается независимо от виновности либо невиновности лица в конкретном коррупционном правонарушении, а следовательно, не вступает в противоречие с принципом презумпции невиновности.

При этом цель данного механизма вызывает сомнение, поскольку само коррупционное правонарушение не выявлено, соответственно вопрос о возмещении вреда, причиненного таким деянием, не ставится. Норма подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК имеет ярко выраженную специфику: она носит конфискационный характер и от конфискации ее отличает то, что отсутствие доказательств приобретения имущества на законные средства и доходы само по себе еще не образует правонарушения, а может порождать лишь предположения.

Согласно буквальному смыслу подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК имущество, в отношении которого не представлены сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, подлежит изъятию в целом, независимо от того, что в какой-то части затраты на его приобретение могли быть произведены из законных доходов. Это положение также вызывает сомнения в соответствии Конституции РФ. Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции РФ [16] никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Причем в конституционной норме нет указания на то, что виды и содержание вещных прав должны быть исчерпывающим образом определены в законе.

Действительно, изъятие имущества с целью прекращения права собственности должно соответствовать ст. 35 Конституции РФ, т.е. производиться не иначе как по решению суда. Формально это требование Конституции соблюдено, как и гипотеза относительно оснований и процедуры изъятия, которые должны регулироваться федеральным законом. Однако

в силу конституционных положений на основании решения суда может быть произведено возмездное изъятие имущества, следовательно, конфискационные меры (это не одно и то же) применяются лишь на основании приговора суда.

В гражданско-правовой доктрине предприняты попытки подвести серьезную теоретическую базу под такое законодательное решение. Интересной представляется аргументация Е. П. Черновола относительно законной с точки зрения Конституции РФ и международно-правовых обязательств страны в плане соблюдения прав человека конструкции подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК. Она основана на признании в качестве правовой основы возмещения и компенсации вреда, причиненного актами коррупции, норм гражданского института предупреждения, возмещения и компенсации вреда, которые по признаку вредоносного деяния образуют отдельный субинститут, опосредующий подобные связи не только в сфере публичной власти [17], но и в иных областях жизнедеятельности общества. Именно его нормы, как полагает Е. П. Черновол, в полной мере отвечают Конвенции ООН против коррупции, которая, являясь частью правовой системы России, поглощает положения Европейской конвенции от 4 ноября 1999 г. Но квалификация данных связей по конкретным предписаниям ГК, по мнению Е. П. Черновола, должна осуществляться с учетом ст. 13, 14 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее также – ФЗ № 273): возмещение имущественного вреда, причиненного физическими и юридическими лицами, соответственно по ст. 1064, 1068 ГК, а органами государственной власти и местного самоуправления (их должностными лицами) – по ст. 33, 38 Декларации прав и свобод человека и гражданина, ст. 52, 53 Конституции РФ, ст. 13, 16, 1069–1071 ГК; компенсация морального вреда – по ст. 151, 1099–1101 ГК во взаимосвязи с указанными нормами о возмещении имущественного вреда применительно к личности причинителя [18].

С учетом этого и формируется система обязательств из причинения вреда актами коррупции, которые относятся к внедоговорным охранительным деликтным обязательствам и функционируют как денежные, а поэтому на них распространяется ст. 395 ГК. По своей экономической сущности они являются правовой формой отношений по перераспределению материальных благ, а с точки зрения юридической природы – правовой формой реализации гражданской ответственности и мер защиты. Данная аргументация вызывает сомнения в части того, что ее автор не сводит гражданско-правовую ответственность в случаях коррупционного поведения к единому факту – коррупционному правонарушению, а настаивает на более широкой трактовке корруп-

ционного деликта как акта причинения вреда нарушением абсолютных прав субъектов, противоправность которого определяется конкретными нормами гражданского и других отраслей права. Поэтому таковым являются все коррупционные правонарушения – дисциплинарные проступки, административные правонарушения, преступления, поскольку ими причинен вред [17]. Более того, основание для изъятия имущества с использованием ст. 235 ГК образуют и так называемые репутационные потери, которые сопровождают случаи существенного расхождения сведений о доходах и расходах лица, на которое возложена обязанность предъявлять соответствующую декларацию. Именно такое понимание социально-правовой природы механизма отторжения имущества, на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК, объясняет тот факт, что у лица, не выполнившего обязательства, вытекающие из законодательства, регламентирующего порядок прохождения службы и противодействие коррупции, изымается все имущество, законный характер приобретения которого не подтвержден, а не какая-то часть, стоимость которой вытекает из установленного и доказанного вреда, причиненного конкретным коррупционным правонарушением.

Не вызывает сомнений, что данная интерпретация основания прекращения права собственности, заложенного в подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК, легла в основу позиции Конституционного Суда РФ о соответствии конфискационного механизма, содержащегося в указанной правовой норме, конституционным установлениям¹. Особенно рельефно его позиция отражена в определении об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Д. В. Захарченко и М. А. Семиной на нарушение их конституционных прав и конституционных прав их несовершеннолетней дочери положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [19].

Как следует из содержания постановлений Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П и от 9 января 2019 г. № 1-П и определения Конституционного Суда РФ от 6 июня 2017 г. № 1163-О, обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его

¹ Данный вопрос находился в поле зрения Конституционного Суда РФ в связи с общим запросом о соответствии Конституции РФ принятых нормативных актов, направленных на противодействие коррупции и предусматривающих особые условия прохождения государственной и муниципальной службы, а также по заявлениям лиц, имущество которых было отторгнуто в пользу государства на основании решений судов.

приобретения на законные доходы, относится к особым правовым мерам, применяемым в случае нарушения лицами, выполняющими публичные функции, антикоррупционного законодательства, и направленным на эффективное противодействие коррупции и защиту конституционно значимых ценностей.

Конституционный Суд РФ также указывал, что установленный Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» порядок применения данной меры позволяет обеспечить баланс публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов собственника, приобретшего имущество на доходы, не связанные с коррупционной деятельностью, и не предполагает лишение лица, в отношении которого разрешается вопрос об обращении принадлежащего ему имущества в доход Российской Федерации, права представлять в суде любые допустимые доказательства в подтверждение законного происхождения средств, затраченных на приобретение того или иного имущества, а также не препятствует суду при выявлении незначительного расхождения размера доходов, законность происхождения которых подтверждена, и размера расходов на приобретение соответствующего имущества с учетом фактических обстоятельств конкретного дела определить ту его часть, которая приобретена на доходы, законность происхождения которых не доказана, и потому подлежит обращению в доход Российской Федерации (либо денежные средства, полученные от реализации такого имущества), а также определить порядок исполнения своего решения с учетом особенностей этого имущества.

Таким образом, по мнению Конституционного Суда РФ, оспариваемые положения федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации», устанавливающие в совокупности с другими правовыми нормами нормативный механизм контроля со стороны государства за имущественным положением отдельных категорий лиц и обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, и действующие с учетом их конституционно-правового смысла, выявленного Конституционным Судом РФ, не предполагают принятия произвольных, без учета особенностей того или иного вида имущества решений об обращении соответствующего имущества в доход Российской Федерации. Соответственно, сами по себе оспариваемые нормы не могут рассматриваться как нарушающие перечисленные в жалобах заявителей конституционные права.

В отличие от ранее принимавшихся решений по данной правовой проблеме, определение Конституционного Суда РФ по заявлению Д. В. Захарченко, М. А. Семьиной и У. Д. Захарченко исключительно широко трактует возможность использования подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК, признавая конституционность принудительного изъятия имущества у граждан, не входящих в круг лиц, обязанных предоставлять сведения о доходах и расходах в соответствии с антикоррупционным законодательством. Об этом свидетельствует указание Конституционного Суда РФ в данном Определении «на доказанность обстоятельств, подтверждающих приобретение спорного имущества за счет доходов Д. В. Захарченко как лица, за расходами которого осуществлялся контроль в соответствии с Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», законность которых не подтверждена, а также на отсутствие доказательств приобретения другими ответчиками, в частности М. А. Семьиной и У. Д. Захарченко, имущества на собственные денежные средства, в том числе ввиду существенного расхождения между стоимостью имущества и их подтвержденным доходом».

Признавая соответствующим конституционным установлениям гражданско-правовой механизм отторжения имущества, Конституционный Суд РФ упускает, на наш взгляд, важный процессуальный аспект: истцом по делу о принудительном изъятии имущества на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК является прокурор, представляющий интересы государства, что делает шансы ответчика по резонансным делам на использование преимуществ состязательной процедуры гражданского процесса весьма призрачными.

Такие решения, на наш взгляд, образуют если не правовые нормы, то прецеденты, создающие почву для произвольного решения вопросов, связанных с принудительным, безвозмездным изъятием имущества вне процедуры конфискации, а на основании неких общих принципов гражданского законодательства. В условиях практически полного отсутствия правовых традиций это может привести к весьма опасным последствиям, когда гражданско-правовой механизм отторжения имущества, не основанный на признании вины должника в конкретном правонарушении, может быть использован при решении вопросов, далеких от интересов борьбы с коррупцией. Показательно, что в настоящее время со ссылкой на «опыт борьбы с коррупцией» высказывается идея о тотальной конфискации в гражданском праве, применение которой оказывается возможным вне зависимости от наказания за совершенное преступление или административный проступок [21].

В связи с использованием механизма возмещения ущерба, причиненного коррупционным деянием, ос-

нованного на нормах ГК, следует обратить внимание законодателя на то, что положения ФЗ № 273 – базового правового документа, направленного на противодействие коррупции, по сути дела не являются частью этого механизма. В этом Законе сама идея возмещения ущерба, причиненного коррупционными правонарушениями, нашла отражение лишь в самом общем виде. Согласно ч. 1 ст. 13 ФЗ № 273 граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Что касается юридических лиц, то к ним за подобные правонарушения, согласно ст. 14 данного Закона, могут быть применены меры ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Не вносит ясности и введенная Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ в базовый закон, направленный на противодействие коррупции, ст. 12.5, согласно которой в отношении лиц, обязанных выполнять меры, направленные на противодействие коррупции, могут устанавливаться иные запреты, ограничения, обязательства и правила служебного поведения. О конкретных гражданско-правовых мерах противодействия коррупции сведения содержатся лишь в ст. 11 ФЗ № 273, регламентирующей порядок урегулирования конфликта интересов. В частности, в ней содержится норма, позволяющая принуждать лицо отказаться от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов. В остальных случаях, включая и ситуации, связанные с недобросовестным выполнением обязанностей о предоставлении сведений о доходах и имуществе, предполагается использование механизма дисциплинарной ответствен-

ности – увольнения (расторжения трудового контракта) в связи с утратой доверия.

Последствия выявления несоответствия доходов и расходов лица, к которому предъявляются антикоррупционные требования, в данном Законе вообще не оговариваются. Полагаем, что с учетом значимости ФЗ № 273 на это обстоятельство законодателю следует обратить особое внимание.

В сложившейся ситуации правовой неопределенности считаем исключительно важной задачей юридической науки и практики всестороннюю регламентацию в гражданском законодательстве оснований отторжения имущества лиц, не выполняющих антикоррупционные требования.

С учетом реального его состояния на сегодняшний день более разумным и соответствующим правовым принципам считаем уголовно-правовой механизм возмещения ущерба, причиненного коррупционными преступлениями, предполагающий в качестве обязательного условия признание лица виновным в совершении конкретного преступления.

Последовательная детализация уголовно-правового механизма минимизации (ликвидации) материальных последствий коррупции предполагает использование уголовно-процессуальной процедуры с соблюдением гарантий прав и законных интересов личности, возврат к конфискации имущества в качестве дополнительного наказания и введение ее в санкции статей УК, предусматривающих ответственность за преступления коррупционной направленности. При этом ориентиром должно служить совместное указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России, определяющее перечень таких преступлений [22]. Одновременно следует отказаться от штрафа как не оправдавшего социальных ожиданий основного наказания в большинстве санкций данных статей.

Пристатейный библиографический список

1. Заседание Совета по противодействию коррупции // Президент России : сайт. URL: kremlin.ru/51207 (дата обращения: 20.02.2020).
2. Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.02.2020).
3. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.
4. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2017 г.) // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218993/ (дата обращения: 20.02.2020).
5. Андрей Караулов – LiveJournal : сайт. URL: karaulov-andrey.livejournal.com>178658.htm (дата обращения: 20.02.2020).
6. Новости Сахком. Сахалин.Инфо : сайт. URL: https://sakhalin.info/news/116227 (дата обращения: 20.02.2020).

7. Московский городской суд : сайт. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/news/reshenie-nikulinskogo-suda-ob-obrashhenii-v-dohod-gosudarstva-imushhestva-d-zaharchenko-ostavleno-v-sile> (дата обращения: 20.02.2020).
8. Генеральная прокуратура РФ : сайт. URL: genproc.gov.ru (дата обращения: 20.02.2020).
9. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
10. Экимов А. И. Конвенция ООН против коррупции в правовой системе Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2014. № 4.
11. Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2.
12. Синельщиков Ю. П. Пути реализации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции в российском законодательстве и прокурорской практике // Законность. 2014. № 2 (952).
13. Останні новини України, новини дня ТСН.ua : сайт. URL: <https://tsn.ua/ru/politika/rada-vernula-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-nezakonne-obogaschenie-1435920.html> (дата обращения: 20.02.2020).
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
15. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6954.
16. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
17. Добрякова Н. И. К вопросу об имплементации Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Российская юстиция. 2010. № 8.
18. Черновол Е. П. Гражданско-правовые формы возмещения и компенсации вреда, причиненного коррупционными правонарушениями, в системе правовых мер противодействия коррупции // Юридические исследования. 2017. № 1.
19. Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2019 г. № 2653-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02102019-n-2653-o/> (дата обращения: 20.02.2020).
20. КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2020).
21. Синуцын С. А., Позднышева Е. В. Гражданско-правовые санкции за совершение коррупционных правонарушений // Законодательство и экономика. 2015. № 5.
22. Указание Генпрокуратуры России № 487/11, МВД России № 1 от 12 июля 2019 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности) // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329937/ (дата обращения: 20.02.2020).

References

1. Meeting of the Council on Combating Corruption. URL: kremlin.ru/51207 (date of the application: 02.20.2020).
2. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 02.20.2020).
3. Federal Law of 3 December 2012 No. 230-FZ "On Control over the Conformity of Expenses of Persons Holding Public Positions and Other Persons with Their Income". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 50 (part 4). Art. 6953.
4. Review of the Judicial Practice in Cases Involving Applications by Prosecutors to Apply to Property of the Russian Federation for Property for Which Evidence of its Acquisition for Legitimate Income Has Not Been Submitted in Accordance with Anti-Corruption Legislation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30 June 2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218993/ (date of the application: 02.20.2020).
5. URL: karaulov-andrey.livejournal.com/178658.htm (date of the application: 02.20.2020).
6. URL: <https://sakhalin.info/news/116227> (date of the application: 02.20.2020).
7. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/news/reshenie-nikulinskogo-suda-ob-obrashhenii-v-dohod-gosudarstva-imushhestva-d-zaharchenko-ostavleno-v-sile> (date of the application: 02.20.2020).

8. URL: genproc.gov.ru (date of the application: 02.20.2020).
9. The United Nations Convention Against Corruption (adopted in New York on 31 October 2003 by Resolution 58/4 at the 51st Plenary Session of the 58th Session of the UN General Assembly). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 26. Art. 2780.
10. *Ekimov A. I.* The UN Convention Against Corruption in the Legal System of the Russian Federation // *Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics*. 2014. No. 4.
11. *Zorkin V. D.* Problems of Constitutional and Legal Development of Russia // *Journal of Constitutional Justice*. 2014. No. 2.
12. *Sinelshchikov Iu. P.* Ways to Implement Article 20 of the UN Convention Against Corruption in Russian Law and Prosecutorial Practice // *Legality*. 2014. No. 2 (952).
13. URL: <https://tsn.ua/ru/politika/rada-vernula-ugolovnyuyu-otvetstvennost-za-nezakonnoe-obogaschenie-1435920.html> (date of the application: 02.20.2020).
14. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30 November 1994 No. 51-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.
15. Federal Law of 3 December 2012 No. 231-FZ "On Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law 'On Control over the Conformity of Expenses of Persons Holding Public Positions and Other Persons with Their Income'". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 50 (part 4). Art. 6954.
16. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30 December 2008 No. 6-FKZ, of 30 December 2008 No. 7-FKZ, of 5 February 2014 No. 2-FKZ, of 21 July 2014 No. 11-FKZ). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 31. Art. 4398.
17. *Dobriakova N. I.* On the Implementation of the Council of Europe Convention on Civil Liability for Corruption // *Russian Justice*. 2010. No. 8.
18. *Chornovol E. P.* Civil-Law Forms of Compensation for Harm Caused by Corruption Offenses in the System of Legal Measures to Combat Corruption // *Legal Studies*. 2017. No. 1.
19. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2 October 2019 No. 2653-O. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02102019-n-2653-o/> (date of the application: 02.20.2020).
20. URL: <http://www.consultant.ru> (date of the application: 02.20.2020).
21. *Sinitsyn S. A., Pozdnysheva E. V.* Civil Sanctions for Committing Corruption Offenses // *Legislation and Economics*. 2015. No. 5.
22. Instruction of the Prosecutor General of Russia No. 487/11, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 of 12 July 2019 "On the Enactment of the Lists of Articles of the Criminal Code of the Russian Federation Used in the Formation of Statistical Reporting" (List No. 23 of Corruption-Related Crimes). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329937/ (date of the application: 02.20.2020).